

Трансдисциплинарные стратегии дискурсивной практики: эффект прокреации

Лариса П. Киященко¹

¹ *Институт философии РАН, Москва, 109240, Россия*

Получено 14 September 2020 ♦ Принято в печать 14 October 2020 ♦ Опубликовано 31 December 2020

Цитирование: Kiyashchenko LP (2020) Transdisciplinary Strategies of Discursive Practice: Procreation Effect. Population and Economics 4(4): 57–66. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e58665>

Аннотация

В статье решается задача по построению цепочки смысловых связей между ключевыми понятиями трансдисциплинарных дискурсивных практик в отношении эффекта прокреации. Для раскрытия связей проблемного комплекса дается предварительное толкование понятий и смысловых конструкторов, образующих тематический тезаурус. Его ключевой позицией является понятие прокреации, чье определение получает свое очертание в способах и правилах дискурсивной практики, способствующей или препятствующей влиянию прокреации на процесс нормогенеза в трансдисциплинарной перспективе рассмотрения.

Ключевые слова

трансдисциплинарность; дискурсивная практика; эффект; нормогенез; прокреация

Коды JEL: J13

Трансдисциплинарные стратегии

За последние 50 лет упоминание о междисциплинарных исследованиях встречается практически во всех областях человеческой деятельности, ориентированных на совместное решение проблем, выходящих за рамки дисциплинарных ограничений по предмету, методологии и языку. Междисциплинарность выступает и как согласование языков смежных дисциплин, транссогласование языков не обязательно близких дисциплин, и как эвристическая гипотеза-аналогия, конструктивный проект, то есть организованная форма взаимодействия многих дисциплин для понимания, обоснования и, возможно, управления феноменами сверхсложных систем, и как сетевая, или самоорганизующаяся, коммуникация [Буданов, 2015: 75]. В совокупности с междисциплинарностью в литературе упоминается и трансдисциплинарное направление исследований. Обычно трансдисциплинарность трак-

туется в качестве формы интеграции, в том числе и научного знания, ориентированного на проблемы жизненного мира и предполагающего открытость и усвояемость научной информации широкой публикой. И в такой, одной из возможных трактовок трансдисциплинарности, просматривается междисциплинарность как ее предтеча. Согласно этому подходу, необходимость в трансдисциплинарном исследовании возникает в отношении сложных социально значимых проблем, решение которых может оказывать существенное влияние на ценностные ориентиры общества в целом или его отдельные группы [Киященко, 2015]. Нельзя не заметить разнообразие определений и междисциплинарности, и трансдисциплинарности. И это неслучайно, так как оба направления молоды и находятся в стадии становления. К настоящему моменту опубликовано множество работ, посвященных разбору их особенностей. В общем можно сказать, что спецификация данных направлений зависит от выбора исследовательской команды, собравшейся по взаимному интересу для решения проблемы, имеющей срочный характер, с необходимым набором профессиональных компетенций и в надежде на контингентное и оперативное согласие по способам ее решения. Общим для современных междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований является стремление найти утраченное единство в восприятии мира и способах взаимодействия с ним, полагаясь на разрабатываемые методы познания. Часто утрата единства в соответствующей литературе называется кризисом европейской культуры. Указанное единство как универсальная ценность или актуальная сверхзадача сегодняшнего дня в естественных и гуманитарных науках множится и фрагментируется в зависимости от контекстных (социокультурных) и локальных обстоятельств возникшей проблемы. Но в прилагаемых обстоятельствах сегодняшнего дня категория универсальности в ее философском значении приобретает парадоксальный характер *конкретной универсальности*. И эта тенденция поиска локального единства лучше всего проявляется в трансдисциплинарности. Трансдисциплинарное исследование по основополагающему его смыслу — стремление выхода за границы междисциплинарности в трансцендирующую метапозицию, позволяет: понять сложность проблемы в целом; принять во внимание многообразие событий жизненного мира и возможность научного рассмотрения проблемы; соединить абстрактное и конкретное практическое знание; развивать знание и деятельность, предполагающие достижение общего блага через аппроксимирующее приближение к нему в конкретной жизненной ситуации. Трансдисциплинарное исследование, имеющее в своей основе этико-проектную направленность, по сути представляет собой особый опыт проведения исследования, которое, можно сказать, переформатирует его классические образцы.

Практическая направленность трансдисциплинарной стратегии содержит в себе импульс к необходимости этического обоснования и самообоснования принятия решений и поступков в человеческой деятельности. Эта способность и возможность укоренена в природе человека, ориентированной на двойственное воспроизводство самого себя, с одной стороны, как телесного, психофизического существа, представленного в практиках самоописания на языке обыденных представлений, с другой — как существа, которое может выйти за прилагаемые обстоятельства бытия, взглянуть отстраненно на самого себя и концептуально в целом на смыслообразующую фактуру, что характерно для философского подхода. Указанные условия трансдисциплинарной направленности можно до определенного момента рассматривать независимо друг от друга, но при этом иметь в виду их принципиальную процессуальную взаимосвязь. Фокусировка трансдисциплинарного подхода сводит воедино философско-теоретические и практические потоки, направленные на решение возникающей проблемы. По этой причине понятие трансдисциплинарности имеет не только прикладной аспект, но и фундаментально экзистенциальный характер, значимый для всех тех, кто профессионально или по

убеждению, по вере и по смыслу своих жизненных представлений действует, делая выбор в пользу ответственного, морального поступка [Киященко и др., 2009].

Трансдисциплинарность принадлежит к тем современным направлениям научного исследования, в которых, пользуясь выражением Ю. Хабермаса [Хабермас, 2000: 26], «отчетливо выражен философский элемент внутри наук». Этот «философский элемент»: 1) ориентирован на философское прояснение единых, всеобщих оснований опыта трансдисциплинарности и явлений окружающего мира; 2) содержит вопросы, которые решаются конкретными способами взаимодействия в сложном многообразии дисциплинарных областей (физики, химии, биологии, психологии, социологии). При этом получаемые решения выходят за дисциплинарные рамки и приобретают трансдисциплинарную значимость.

В понимании вышеупомянутой трансдисциплинарной значимости позиция философии трансдисциплинарности также близка к идеям Ю. Хабермаса [Хабермас, 2002: 21], утверждавшего, что содержательное осмысление возникающих экзистенциальных и философских проблем так или иначе связано с выходом научного и философского разума на границы с жизненным миром. Структуры жизненного мира начинают выполнять функции, на которые раньше претендовала фундаментальная философия, — формы единства мира, связанности жизненного опыта.

Указанная метапозиция трансдисциплинарной стратегии подобна действию философской рефлексии, которая, являясь формой сложного рефлексивного анализа бытия, сопряженного с соответствующей терминологией, безусловно, отдаленной от здравого смысла и обыденного сознания, тем не менее незримо связана с обыденным сознанием, всегда выступая как форма глубокого личностного сознания. Это не просто совокупность знаний, но и личностное переживание мира, а значит, всегда некая проекция на мир индивидуального сознания [Князева, 2018: 29]. Таким образом, трансдисциплинарная стратегия, получая дополнительно к дисциплинарному экзистенциальное измерение, выражая так или иначе интенциональную направленность сознания на объект (вещь), приобретает способность выступать в роли посредника.

Посредничество — это еще один термин, который дается в вещи относительно вещи, другими словами, одновременно «внутри» и «извне». «Только проецируя себя на способ бытия вещи, человек становится “серединой” между бесконечным и конечным, очерчивая онтологическое измерение вещей, то есть то, что они суть синтез присутствия и смысла. В этом плане можно сказать, что вещь является вещью, только если она может являть себя и быть выговоренной, если может затрагивать меня в моей конечности и быть готовой к разумному дискурсу» [Огурцов, 1993: 18–19]. Это то, что, по мнению Рикера, образует философскую антропологию, движимую полярностью бесконечное–конечное [Огурцов, 1993: 19]. Указанная полярность антиномична по своему характеру, то есть, другими словами, ее составляющие существуют по форме «нераздельно и неслиянно». В этом качестве выступают и иные концептуальные полярности философского дискурса: общее — уникальное, абстрактное — конкретное, фундаментальное — прикладное, коллективное — персональное и т.п., образуя подвижную концептуальную конфигурацию проблемного поля, в котором современный человек существует и действует, размышляет и обсуждает в коммуникативном пространстве, возникшем на основе общности интересов. Проекция индивидуального сознания на мир, о которой шла речь выше, «ощупывает» установленную ранее границу с ним или вновь формирующуюся здесь и сейчас имеющимися у субъекта средствами (средствами познания, практическими действиями). Известное выражение «посох Бора», или «посох слепого», упирается в парадоксальные сочетания концептуальных полярностей либо в антиномичное с известным ранее, другими словами, к радикально иному, что и делает возможной тематизацию рефлексивной субъективности как

свободной и ответственной за достижение истины [Рикер, 2017: 82]. Смысл последней конвенционально удостоверяется при встрече с коммуникантами, думающими по-разному об одном и том же через разрешение апорий дискурса [Мионов, 2015].

Дискурсивная практика

Чтобы прояснить используемый в нашем контексте смысл понятия «дискурсивная практика», укажем, как он нам видится. Он состоит, во-первых, из понятия дискурса и, во-вторых, из понятия дискурс-анализа. На сегодняшний день имеется большое разнообразие их толкований. Систематизация и приведение этого разнообразия к общему основанию — дело будущего, если оно, впрочем, возможно. Однако очевидно, что существует большая востребованность указанных понятий. Дискурс, дискурс-анализ и, наконец, дискурсивная практика как объединяющее понятие сформировались в конце прошлого века в рамках социального конструкционизма. Эти термины отражают теоретическое понимание процессов коммуникации, их практическое воплощение и оказываются востребованными не только в лингвистике, но и в других социальных науках, ориентированных на решение междисциплинарных проблем.

Итак, если дискурс — это вербально артикулированная форма объективации содержания человеческого сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности, а дискурс-анализ — это совокупность аналитических методов интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях (<https://gtmarket.ru/>), то дискурсивная практика, совмещающая смыслы понятий «дискурс» и «дискурс-анализ», разворачивается в пространстве коммуникативного взаимодействия при решении междисциплинарных и трансдисциплинарных проблем в реальном режиме живой речи. Дискурсивная практика представляет собой одновременно и метод познания, и творческий акт. Другими словами, она ответственна за проведение интегрированного трансдисциплинарного опыта, в котором деятельность до определенной степени дисциплинарно регламентирована и одновременно вынуждена выходить за нормативные и эмпирические пределы. Экзистенциальный опыт трансдисциплинарности может быть описан с точки зрения особого настроения участников коммуникации, настроения на оппозиционное проведение взаимодействия всеобщего с особенным. Здесь возникает новый тип опыта, когда всеобщее, участвующее в нем, переносится на частные случаи личного особенного бытия, а последние «светятся» кодом всеобщего и целостного. При этом «наиболее важные для нас аспекты вещей, — писал Л. Витгенштейн, — скрыты из-за своей простоты и повседневности. (Их не замечают, потому что они всегда перед глазами). Иначе говоря, то, чего мы [до поры] не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным» [Буданов, 2015: 129]. Подобная установка («фоновый» характер и «раскрывающая» способность практик) присущи большинству исследований в рамках практической парадигмы [Иссерс, 2011: 230]. При этом в каждом конкретном случае различные фрагменты практик, принятых в данной культуре, функционируют в качестве знания того, как обращаться с людьми и предметами для достижения определенных целей [там же]. Практики принципиально не сокрыты, но для того, чтобы их рассмотреть, требуется определенная техника описания и интерпретации. Таким образом, можно сделать вывод, что понимание дискурсивной практики, как и любой социальной практики, базируется на ее осмыслении в роли деятельности и социального опыта, данного в непосредственном наблюдении [Иссерс, 2011: 231]. Подчеркнем, что в дискурсивной практике обязательно присутствует и описательная часть наблюдаемого действия, и

его осмысление с отстраненной позиции «извне», «метапозиции», со стороны. И то, и другое имеет свои особенности и правила проведения, «неслиянно», но «нераздельно» составляющие сложноорганизованное единство дискурсивной практики, которая по ходу своего проведения создает свои правила и условия их осуществления — смысл и нормы конкретного вида практической деятельности.

Таким образом, двигаясь от фонового задания темы в понятии «трансдисциплинарные стратегии» через указание на основополагающий прием проведения этих стратегий — дискурсивную практику, мы констатировали сочетание лингвистических реалий (правил и норм) повседневного языка описания (дискурс) и концептуальной номенклатуры в субъектном (рефлексивном) исполнении существующих правил и норм (дискурс-анализ). Было отмечено, что обновление креативного потенциала дискурсивной практики возможно через преодоление (разрешение) препятствий (антиномий, парадоксов, сбоев в понимании общения) на границах взаимодействия языка повседневности, описывающего частный случай с рефлексивной оценкой его видения в интегрированной перспективе трансдисциплинарного подхода, и его норм. Можно сказать, в известном приближении, что нормогенез является эпицентром, динамизирующим трансдисциплинарное исследование.

Замечено, что возрастающая сложность строится на диссипации и увеличивающемся хаосе. Таков парадоксальный смысл пригожинского термина «диссипативная структура»: упорядоченная структура возникает не вопреки, но благодаря диссипации. Тенденция к появлению в ходе эволюции и самоорганизации все более сложных структур сопряжена с возрастающей креативностью, рождением инноваций, что некоторые ученые называют «порядком для свободы» [Князева, 2018].

Нормогенез: эффект прокреации

Мы подошли к ключевому понятию нашего исследования — прокреации. Известно, что область применения этого понятия связана с деторождением, воспроизведением потомства, конкретным направлением человеческой деятельности в сфере медицинской помощи, не лишенным социогуманитарных атрибутов. Однако употребление этого понятия в более широком контексте, для обозначения процесса и результата социокультурного нормогенеза, делает его более фундаментальным, применимым к иным сферам человеческой деятельности и свидетельствует о метафорическом характере понятия «прокреация». При таком подходе происходит смещение и обогащение смысла понятия, причем это не отменяет его употребления в медицинской сфере, откуда оно родом. Прокреация как «живая метафора» [Рикер, 2015] аккумулирует междисциплинарные разногласия в споре с повседневным языком общения между нормативным порядком новых технологий, логикой научно-медицинских, социологических калькуляций и поиском новых смыслов деторождения, родительства, родства и семейных ценностей в этико-аксиологическом ключе. Метафоры создают «мерцающую зону» зарождения смысла: область, где могут найти соприкосновение разные области знания, которые ранее считались никак не связанными. В этих зонах, при соединении ранее не связанных знаний, возможно рождение совершенно новых идей в любой области науки и культуры [Арутюнова, 1990]. И именно в этих зонах обновления и становления норм и регулятивов поведения происходит процесс взаимодействия стихийности и сознательности. Объективный процесс формирования норм, который всегда и во всех обществах носит стихийный характер, необходимо отличать от субъективного осознанно-целенаправленного процесса их формулирования (устно или письменно) соответствующими авторитетными и властными инстанциями. Рас-

смотрение понятия прокреации как живой метафоры, связывающее фундаментальный и прикладной уровни человеческой деятельности, дает шанс концептуального синтеза фундаментальных идей в осмыслении современных процессов воспроизводства человека в контексте их биотехнологической трансформации. Результаты прикладных исследований в социологическом, медицинском, культурно-антропологическом, психологическом в междисциплинарных дискурсах могут быть положены в основу формирования практической философии. Это предположение исходит из факта, что язык и понятийные конструкции дискурсивной практики могут стать основой объединения разного уровня способов описания трансформаций в воспроизводстве человека и социокультурных практик репродукции, ориентированных на решение острых экзистенциальных проблем (на стыке личностного становления и физического здоровья).

Заключение

Всякое научное исследование, понятое как коммуникативный процесс, представляет собой сложную гамму познавательных актов и включает в себя «вопросание» и предвосхищение ответа, согласие и возражение другим участникам коммуникации. Передний край науки — это поле взаимодействия многих принципиально равноправных сознаний, в котором складывается разноречивое, дифференцированное согласие. Наука, понятая как интерференция актов коммуникации, подчиняется определенным нормам и образцам взаимодействия ученых. Эти нормы и образцы, обеспечивающие устойчивость научного знания, отлагаются в системе дисциплинарного знания и в определенных идеалах и критериях научности, выявляемых методологией науки [Неретина и др., 2017]. Устойчивость возникшего инварианта относительна. Она «подмывается» множественной вариативностью разноречья дискурсивной практики, ориентированной на свое обновление в соответствии со стратегиями трансдисциплинарного исследования.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №20-011-00609 «Прокреация: фундаментальные и прикладные аспекты социокультурных норм — язык междисциплинарного дискурса»

Литература

1. Арутюнова Н.Д. (1990) Метафора. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. С. 296–297.
2. Буданов В.Г. (2015) Междисциплинарность и трансдисциплинарность начала XXI века // Философия, методология и история науки. 1: 100–112.
3. Витгенштейн Л. (1994) Философские исследования / Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис.
4. Иссерс О.С. (2011) Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 4: 227–232.
5. Киященко Л.П. (2015) Философия трансдисциплинарности: подходы к определению. В кн.: Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд. дом «Навигатор». С. 109–135.
6. Киященко Л.П. и др. (2009) Философия трансдисциплинарности. М., ИФРАН.
7. Князева Е.Н. (2018) Биосемиотика: истоки междисциплинарного направления // Вопросы философии. 11: 89–98.

8. Миронов В.В. (2015) Об особенностях философской рефлексии и смысловом пространстве // *Философия, методология и история науки*. 1(1): 28–37.
9. Неретина С.С., Огурцов А.П., Мурзин Н.Н., Павлов-Пинус К.А. (2017) *Апории дискурса / Колл. моногр. Отв. ред. С.С. Неретина*. М.: Институт философии РАН. 119 с.
10. Огурцов А.П. (1993) Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // *Философские исследования*. 3: 12–59.
11. Рикер П. (2015) Живая метафора. Седьмой очерк: Метафора и референция // *Horizon* 4 (1): 175–213.
12. Рикер П. (2017) *Философская антропология. Рукописи и выступления 3 / Пер. с фр.* М.: Изд-во гуманитарной литературы. 312 с.
13. Хабермас Ю. (2002) Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М. 144 с.
14. Хабермас Ю. (2000) *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб. 380 с.
15. Шеманов А.Ю. (2008) Рефлексивность культурных форм и проблемы образования // *Вестник МГУКИ*. 6: 82.

Сведения об авторе

- Киященко Лариса Павловна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: larisakiyashchenko@gmail.com